

Мы решили открыть эту рубрику стихами БУРНАЕВА Валерия Петровича. Редакция выражает автору признательность за разрешение опубликовать их в нашем журнале.

Валерий Петрович — человек в гражданской авиации хорошо известный. Пришёл в авиацию в 1965 году, после окончания Куйбышевского авиационного института, и вот уже 40 лет преданно служит ей. Прошёл путь от пилота Уфимского ОАО до первого заместителя начальника Приволжского УГА, командира Уфимского ОАО (был избран командиром на альтернативной основе) и генерального директора авиакомпании «Башкирские авиалинии» (1990–1993 гг.). В 1987 году окончил Академию ГА. За годы руководящей работы умело организовал перестройку авиакомпании «БАЛ» в условиях рыночной экономики, обеспечил техническое переоснащение аэропорта (за счёт собственных средств предприятия построен и введён в эксплуатацию новый аэродромный комплекс стоимостью 50 млн. долларов США) и упрочил позиции авиакомпании на рынке авиатранспорта. Впоследствии работал в Межгосударственном экономическом комитете (МЭК) начальником отдела транспортных систем Департамента транспорта и комму-

никаций. После ухода с руководящей работы продолжил активную трудовую деятельность в отрасли (генеральный представитель авиационных структур РФ в регионах Поволжья и Урала; генеральный представитель ЗАО «Инком-Авиа»; генеральный представитель ЗАО «Лизинг-Менеджмент»), общественную деятельность в ГА. В 2005 году назначен начальником Учебного аэродрома Самарской государственной аэрокосмической академии. Член-корреспондент Международной Академии транспорта. Автор ряда публикаций по проблемам гражданской авиации, в том числе книги «Записки директора». Награждён нагрудным знаком «Отличник Аэрофлота».

Валерий Петрович увлекается поэзией и сам пишет стихи, в Самаре опубликован сборник его стихотворений. Прекрасный тамада и душа компании. Поэт. Открыт для дружеского общения. Искренне «болеет» за нашу гражданскую авиацию и верит в её директорский корпус, в командирское братство.

Школьный вальс

Последний звонок отзвенел для меня,
Звонит непривычная всем тишина.
То школьные годы ушли навсегда
И в дальний нам путь
возвращаться пора.

Отзвенел звонок последний, отзвенел,
И как шар воздушный в небо улетел,
И как в детстве я хочу его поймать,
Но я знаю, что его мне не догнать.

На первый урок
не спешить нам с утра,
Последний звонок отзвенел для меня,
Как память о юности школьной моей,
Как память – здесь столько
прожито дней!

Наш классный учитель,
смотри веселей,
Слезу сбереги для новых детей,
Для тех, кому первый
звонок не звенел,
Последний, как нам, ещё не пропел.
Последний звонок –
он как память для нас.
Прощай, мой учитель
и школьный наш класс.
Манящая даль неизвестных дорог
Зовёт нас с тобою как первый звонок.

Отзвенел звонок последний, отзвенел,
Он о школьной нашей юности пропел.
Он запомнится, последний
мой звонок,
Как и первый наш учитель и урок.

Эх, глаза, вы глаза голубые,
Голубые, как в море волна.
Золотые деньки, золотые,
Их уж нет, отошли навсегда.

Я их видел на поле с гречихой
И в сосновом бору у костра,
Золотые деньки, золотые,
Не вернуть их уж мне никогда

Вы смеялись, глаза голубые,
Всё не веря, что это не сон.
Золотые деньки, золотые,
То хрустальной игры перезвон.

Где теперь вы, глаза голубые,
Холод льда и степная метель.
Золотые деньки, золотые,
Прошлогодней весны вы капель.

Эх, глаза, вы глаза голубые,
У одной в этом мире они.
Золотые деньки, золотые,
То далёкой звезды огоньки.

Загрустил я что-то очень
В этой дальней стороне.
Ты скажи мне, сине очи,
Снился ль я тебе во сне?

Я ж, опять тревожа память,
Вспомнил как-то о тебе,
Ты всё так же, как и прежде,
Не даёшь покоя мне.

И поэтому я снова
Рифмы складные ищу,
Как янтарь со дна морского,
Добываю их в поту.

Вспоминаю всё, что было,
И что не было со мной,
Песню звонкую «Калина»,
Встречи редкие с тобой.

Поцелуй твой тот хрустальный —
Запах мёда до небес,
Взмах руки твоей прощальный,
Ту дорогу и тот лес.

Жизнь, зачем ты мне дана?
Чтоб тобою любоваться!
Как от крепкого вина
Твоим ликом наслаждаться.

Так живи и будь всегда,
Свет зари манящей дали.
Ты – поэзия моя,
Песня жизни и печали.

Мы с тобой повстречались случайно.
Я сказал тебе, помню – привет!
Ты взглянула как будто случайно,
И мне бросила «здравствуй» в ответ.

Помню первое наше свиданье,
Было много чего впереди:
Были встречи, потом расставанья,
Взмах руки твой прощальный в ночи.

Не гадали, что станет с нами,
Только чуть наводили мосты,
Видно ноги несли тебя сами,
Мы на берег другой не дошли.

Время шло, время, видно, настало,
Посмотреть нам на то, чего нет.
Я спросил тебя что-то устало,
Ты мне бросила гневно в ответ.

Я сказал: ну, тогда до свиданья,
Ты – прощай, прощептала в ответ.
То – последнее было признание
И разлука на тысячу лет.

В одиночестве мы повстречались,
В одиночество снова вошли.
Только в памяти нашей остались
Дорогие нам ночи и дни.

Мы с тобой с одиночества вышли,
В одиночество снова вошли.
Видно, нам там не так уж и плохо...

Послесловие

Что-то сердцу стало одиноко
В этой каждодневной суете.
Хочется в недальнее далёко,
Где там было многим «по себе».

Где души прекрасные порывы
Были нашим смыслом бытия,
Где тобою были мы любимы,
Родина пропавшая моя.

Где любовь была моя большая,
Розовые юные мечты,
И Россия, сердцу дорогая,
А не та, что нынче видим мы.

Хочу туда, где не было нам рая,
Но было то, чего сейчас в помине нет:
«Катюша» – наша песенка простая,
«Малиновки» всем памятный напев.

Хочу туда, где не было свободы,
А та, что есть, мне даром не нужна.
Где ж годы мои юные, вы годы,
Где ж Родина пропавшая моя?

На 60-летие

О 60, что так недавно появились,
Где мои двадцать юной,
золотой поры?!

Пришли ко мне, меня вы не спросили,
Не потому ли, что я с вами был на ты?

Не потому ли, что в работе и заботах
Я лёгкой жизни с малолетства
не искал?

Идя дорогой пыльной, незнакомой,
Я в жизни многое сквозь годы увидел.

Смерть друга, торжество рожденья,
Палатый зной, якутскую пургу,
И радости прекрасные мгновенья
За то, что жив и в жизни всё могу.

Завистник говорит, что я удачлив,
Что слаще чёрствый хлеб,
который я жую.

Быть может оттого,
что в горести не плачу,
На трудности и беды не ропщу.

Я не могу быть каждому к добру,
На всех мне тоже ведь не угодить.
Я сам собой и больше не хочу,
Чтоб кто-то мог иначе рассудить.

Не хлебороб я, но душой крестьянин,
Пашу я, как и он, с утра и до зари,
И урожай свой также трудно собираю,
Об этом знают все соратники мои.

Нет, кто сказал, что мне
седьмой десяток,
Не верьте им, мне только 25.
Жизнь, дай полсотни
мне ещё в задаток,
И я, как прежде, в бой пойду опять.

Мне годы не менять уже на мелочь,
Пусть будет в том порукой седина.
Ещё мне предстоит
такое в жизни сделать,
Что позавидует мне молодость моя.

Друзьям – командирам

Ты первым, атаман «Бурнаш»,
Как и положено в народе командиру,
Покинешь наш привычный бивуак,
Сменив его на новую квартиру.

Пока мы здесь за партами кортим,
Ты будешь трудную вершить работу,
Тащить на атамановских плечах
Большую беспокойную работу.
И нас подобные заботы ждут,
Мы не пищим, не ноем, мы потянем.
Не зря нас «ВККашники» зовут,
Мы выживем, коль ноги не протянем.

И мы желаем твоему перу
Не притупиться о бумаги и приказы,
Стихами подчинённых восхвалять
Без формализма и без лишней фразы.

Принципиальным, честным будь всегда,
На компромиссы не иди с самим собою,
Пусть даже это и карьере повредит
Или заплатишься за это головою.

Ты, не боясь, любому говорил –
Будь генерал иль академик пред тобою,
– Что он не прав, и ты не лебезил,
Не пресмыкался, шёл своей тропой.

Твоей натуре одарённой
Аспирантура – трын-трава.
Тому, кто спит ночами мало,
Кому дана такая голова,
По силам и не только кандидатом,
Стать даже доктором
каких-нибудь наук,
Но, как бы ты ни вырос, запомни,
Для нас ты навсегда –
наш атаман и друг!

Застольная

Друзья мои, за этим вот столом,
Как то и следует приличному поэту,
Я славлю вас не прозой, а стихом,
Сажая рифму в золочёную карету.

Желаю вам веселья в этот час,
А недругам от рвоты захлебнуться,
Которой мы блевали и не раз,
Что не давала нам порою разогнуться.

Не с перепоя мы страдали животом,
Хоть и грешны бываем,
так же, как и черти.
Та слабость наша кроется в другом –
В работе бешеной,
что нам дана до смерти.

Иная жизнь ведь нам не по плечу,
И праздный мозг не уживётся с нами,
Кто задубел от стужи на ветру,
Затравлен, как олень
голодными волками.

Я пью бокал янтарного вина
За тех, кто не подвластен звону злата,
Кто, раздувая жизни паруса,
Даёт другим, не требуя возврата.